

УДК 82.091, 821.134.2

*И.В. Ершова***СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ТОПОС «HOMBRE DE ARMAS Y LETRAS» И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОЗЕ СЕРВАНТЕСА**

В статье идет речь о трансформации в прозе Сервантеса одного из ключевых концептов и топосов испанской литературы, сформировавшегося еще в Средние века в историографической и назидательной прозе, – топоса «человека буквы и битвы». В двух своих романах – «Дон Кихот» и «Странствия Персилеса и Сихизмунды» – Сервантес многообразно обыгрывает традиционный топос и формулу, его выражающую (разъединяет компоненты, перенаполняет их, обыгрывает и пародирует идеал эпохи), осуществляя тот риторический сдвиг, который и приводит к созданию романа и литературы нового типа.

Ключевые слова: Сервантес, «Дон Кихот», «Странствия Персилеса и Сихизмунды», “hombre de armas y letras”, риторический топос.

Одной из сквозных идей испанской (и европейской в целом) культуры XVI в. стало представление о человеке как идеальном сочетании “armas y letras”, отразившем определенный культурный идеал. Корнями он уходит в античность и в средние века [1. Р. 170-175], а в Испании особую актуальность начинает приобретать еще с эпохи Альфонсо Мудрого, набирая силу еще в XV в. Идеал этот находили как в реальных исторических фигурах, вроде самого Альфонсо X, Хуана Мануэля, маркиза де Сантильяна, так и в идеальном образе правителя в альфонсовых хрониках, в героях книг о рыцарстве, например, в образе рыцаря Сифара (*Libro del cavallero Cifar*), в образе идеального советника и секретаря при дворе Хуана II и Энрике IV. Воплотился он и в литературном топосе: редкий текст XV–XVI вв. – как художественный, так и нет – обходится без дискуссии на эту тему или толкования этой идеи. Словесная формула звучит следующим образом: “hombre de armas y letras” [1. Р. 178-179].

Следует оговорить, что идея и образ разрабатывались в испанской культуре в разных аспектах и с разных точек зрения. Прежде всего это унаследованный от античности идеал гармонии “sapientia” и “fortitudo” и последующий многовековой диспут о том, что более ценно в этой паре – «оружие» или «буква», «битвы» или «науки». При этом XV в. двигался скорее в сторону “armas”, а letras тяготели к отождествлению с изящной словесностью. В XVI в. приоритет отчетливо смещается в сторону “letras”: для гуманистов это синоним усердия в *studia humanitatis*, а для религиозно-назидательной мысли – занятия теологией и этикой. Сами “letras” в такой интерпретации становятся идеальными “armas”, вполне в духе идей Эразма Роттердамского, у которого в «Оружии христианского война» «оружие» понимается метафорически – «молитва» и «знание». Образ рыцаря с мечом или шпагой в руках все больше воспринимается как образ придворного или литературного героя. Отчасти это было связано с изменением способа ведения военных действий, где индивидуальное участие (поединки) редуцируется и оценивается, прежде всего, в категориях храбрости и доблести, а не военных умений и навыков; войско сражается иначе [3. Р. 511-533].

В начале XVI в. этот идеал утверждается в виде образа совершенного Придворного в духе Б. Кастильоне (*El Cortesano* в испанском переводе Боскана вышел в 1534 г.), являющего собой сочетание многих качеств, среди которых и владение “armas y letras” и становится главным жизненным ориентиром дворянина; его идеальным воплощением и фигурой для подражания станет величайший испанский поэт XVI в. – Гарсиласо де ла Вега; среди тех, кто продолжит этот ряд для современников, будет и Мигель де Сервантес, хотя сам он понимал под ним нечто другое.

Этот топос был чрезвычайно любим поэзией, где он позволял играть сопоставлением/противопоставлением Феба и Марса, поэзии и битвы, буквы и оружия и т. д. Владение “letras”, изначально колеблющееся между начитанностью и ученостью, между *juridico* (в понимании этого слова эпохой Альфонсо X) и *clérigo*, постепенно стягивается к владению литературным стилем, к *poeta*, тогда как “armas” – к образу придворного кабальеро со шпагой, умелого фехтовальщика, готового к придворной службе.

Таким образом, концепт и его словесное выражение к эпохе Сервантеса начинают жить как бы отдельной жизнью. Спор о науках и военном поприще занимает одних, риторическая формула «поэта и воина» – других. В одних и тех же жанрах они почти не сходятся. Концепт и идеал владеет умами

теологов, гуманистов, моралистов; формула в ее нерасторжимом риторическом виде – почти целиком ушла в поэзию и художественную словесность. В первом случае, она едина, но с разным весом ее составляющих, во втором – цельный, не разрываемый на части идеал. Более того, у самого Сервантеса «Дон Кихота» связывают с *fortitudo*, а «Персилеса» с *sapientia*, то есть полагают, что Сервантес отдает предпочтение то одному, то другому компоненту двуединого топоса (см.: [4]).

Прежде чем посмотреть, что происходит у Сервантеса, следует перечислить варианты возможных значений и обозначений, интерпретирующих этот концепт:

Armas

Обозначения: *soldado – diestro – Marte – Espada/lanza*

Значения: военное поприще – владение оружием – участие в сражении – участие в турнире

Letras

Обозначения: *letrado – poeta – Febo – pluma*

Значения: Науки – ученость (*jurídico/clérigo*) – образованность (*estudio*) – склонность к поэзии/ владение изящным слово

В сочинениях Сервантеса идея «armas y letras» возникает в самой разнообразной форме. Несколько из этих формул (*Febo y Marte, pluma y lanza*), например, Сервантес использует в «Песне Калиоппы», называя тут же и реального исторического персонажа, который, по его мнению, этот идеал воплощает. Речь идет о Херонимо де Карранса, воине и писателе, знаменитом фехтовальщике и авторе трактата «Философия оружия»:

Si queréis ver en una igual balanza
al rubio Febo y colorado Marte,
procurad de mirar al gran CARRANZA,
de quien el uno y otro no se parte.
En él veréis, amigas, pluma y lanza
con tanta discreción, destreza y arte,
que la destreza, en partes dividida,
la tiene a ciencia y arte reducida.

(«Если вы хотите видеть равновесие/ белокурого Феба и багряного Марса,/ обратите свой взор на великого Каррансу, / в котором они неразделимы./ В нем вы увидите, подруги, как перо и копье, / с таким разумением, мастерством и умением, / мастерство фехтования, поделенное на части, / приводят к науке и искусству».)

В поэзии риторичность топоса незыблема, были бы только удачные примеры. Сервантес их легко находит, хотя персонаж весьма своеобразен. Не пускаясь в странствие по всему корпусу сервантесовских текстов, взглянем на использования этого топоса и соответствующей формулы в позднем романе Сервантеса «Странствия Персилеса и Сехизмунды» (*Los trabajos de Persiles y Sigismunda*, изд. 1617). Топос повторяется не часто, всего пять раз. Сначала кажется, что формула выступает в романе преимущественно в основной риторической функции, т.е. описывает процесс воспитания и образования и дает характеристику занятиям человека, а соответственно и его природе, ведь определение героя «человеком битвы и буквы» прежде всего должно передать его моральное совершенство, определенный социальный статус и значительную ценность для общества. Именно так употреблен этот топос в следующих фрагментах:

1. Речь испанца-варвара (I. 5)

«Echáronme al mundo padres medianamente nobles; criáronme como ricos. Llegué a las puertas de la gramática, que son aquéllas por donde se entra a las demás ciencias. Inclínome mi estrella, si bien en parte a las letras, mucho más a las armas». («Произвели меня на свет родители не худородные; воспитали они меня во всяческом довольстве; я приблизился к вратам грамматики, а это такие врата, которые открывают путь ко всем прочим наукам; моя звезда влекла меня к **учености**, но еще более — к **искусству военному**.» (пер. здесь и далее Н.Любимова))

2. Речь благородного Маврикия (I,12)

«Soy cristiano católico, y no de aquellos que andan mendigando la fee verdadera entre opiniones. Mis padres me criaron en los estudios, así de las armas como de las letras – si se puede decir que las armas se estudian. He sido aficionado a la ciencia de la astrología judiciaria, en la cual he alcanzado famoso nombre».

(«Я христианин-католик, однако ж не из тех, что мечутся туда-сюда в поисках истинной веры. Родители мои обучили меня как военному искусству, так и наукам, если только, впрочем, военному искусству можно выучиться. Я пристрастился к юдициарной астрологии и в сей отрасли знания немалую стяжал себе известность.»)

3. О короле Поликарпе (I.22)

«Esta costumbre, a mi parecer justa y santa, puso el cetro del reino en las manos de Policarpo, varón insigne y famoso, así en las armas como en las letras, el cual tenía, cuando vino a ser rey, dos hijas de estremada belleza, la mayor llamada Policarpa y la menor Sinforosa». («Помянутый обычай, по моему разумению — священный и справедливый, вложил державный скипетр в руки Поликарпа, мужа именитого, **прославившегося как на военном, так и на ученом поприще**, и вот у этого мужа к тому времени, когда его избрали королем, были уже две дочери необычайной красоты, из коих старшую зовут Поликарпа, младшую же — Синфороса.»

Заметим, что формула во всех трех случаях устойчива, ее компоненты связаны сочинительной связью и никаких сдвигов не наблюдается. Всякий раз речь идет именно о воспитании и образовании — основное содержание, вкладываемое в концепт «человека буквы и битвы» в XVI в.

А вот в двух других случаях обращения к этому топосу становится виден смысловой сдвиг: уходит неразрывность словесной формулы, ее компоненты разделяются и отчасти противопоставляются друг другу. В первом случае речь идет о страннике-собирателе афоризмов — описывая свою жизнь, он расщепляет формулу и уточняет две ее составляющие (*ejercicio de guerra y de las letras*), как две сменяющие друг друга части своей жизни, сделавшие его человеком праведным и духовным. Занятие же его заключается в том, что он собирает мудрость в книгу «Афоризмы странников»:

«Yo, señores, soy un hombre curioso: sobre la mitad de mi alma predomina Marte, y sobre la otra mitad Mercurio y Apolo. Algunos años me he dado al ejercicio de la guerra, y algunos otros, y los más maduros, en el de las letras. En los de la guerra he alcanzado algún buen nombre, y por los de las letras he sido algún tanto estimado» (4.1). («Я, сеньоры, человек незаурядный: **одной половиной моей души владеет Марс, а другой — Меркурий и Аполлон**. Несколько лет я упражнялся в военном искусстве, а еще несколько лет, уже в более зрелом возрасте, посвятил наукам. Я отличился на войне и приобрел некоторую известность в мире ученых.»)

Во втором случае, рассуждение снова уходит от фиксированного вида формулы и снова буквально обращается к занятиям, которые при этом подразумеваются. При этом слова эти звучат из уст юного пленника, недавно вернувшегося из плена, который испрашивает милосердия, уверяя всех, что бедный студент, такой как он, приобщившийся к знаниям, станет отличным солдатом и принесет тем немалую пользу своей родине. Выражение перестает быть риторической формулой, оно обретает буквальный смысл, а ее члены изменены и выражены синонимичными понятиями и метафорическими определениями — *la tierra de los estudios en los campos de la guerra; ingenio — fuerza*. Совсем уходит и придворный статус персонажа, вместо него появляется бедный студент, недавно освобожденный из плена:

«... porque no hay mejores soldados que los que se trasplantan de la tierra de los estudios en los campos de la guerra: ninguno salió de estudiante para soldado, que no lo fuese por extremo, porque, cuando se avienen y se juntan las fuerzas con el ingenio y el ingenio con las fuerzas, hacen un compuesto milagroso, con quien Marte se alegra, la paz se sustenta y la república se engrandece» (III, 10). («...а ведь лучшие солдаты — это те, которых **пересадили с почвы науки на поле боя**. Из студента не может не выйти отличного солдата, ибо тут к силе присоединяется разум, а сила — к разуму, они действуют заодно, и это изумительное сочетание радуется сердце Марса, укрепляет мир и усиливает мощь державы.»)

Как видно, уже в «Персилесе и Сихизмунде» риторическая целостность формулы начинает переосмысливаться. Почти напрашивается сравнение ситуации обоих упомянутых персонажей (пожилого собирателя афоризмов и юного студента-пленника) с самим Сервантесом. И применение к ним красивого выражения кажется ему неверным. Эта важная для него идея — дать смысловое наполнение топосу — получает окончательное закрепление в «Дон Кихоте».

Первое, что делает Сервантес, это пытается переосмыслить содержание топоса. Всем известен знаменитый диспут о науках и военном поприще (I, XXVII–XXVIII), где Дон Кихот говорит о том, что поприще военное выше учености [2. Р. 117–132]. Цель науки — познание, ведущее к установлению справедливых законов, цель же военного искусства, говорит Дон Кихот, — мир, а мир есть наивысшее

из всех земных благ. При этом для него “letras” – ученость книжника и законника, а “armas” – это судьба солдата и участие в войне, лишенное романтического и героического ореола, что, как никому, было известно Сервантесу по его собственной судьбе, и уж никак не придворное фехтование. У Сервантеса смысловое наполнение “armas” и “letras” возвращается к своим прямым значениям, тем самым уходя от более эстетизированной формы придворного образа.

Сама мысль о возвращении идее «человека буквы и битвы» подлинного смысла оказывается для Сервантеса очень важной. Писатель и солдат Мигель де Сервантес остро чувствуют ослабление смыслов в идеале «armas y letras». Идеал этот у Сервантеса распадается в диспуте и иронизируется в образе самого Дон Кихота, книгочеха и рыцаря-воина, ничего не написавшего и ни с кем всерьез не сразившегося.

А что же происходит с словесной формулой? В двух книгах о Дон Кихоте количество случаев, отсылающих к формуле “hombre de armas y letras” можно пересчитать на пальцах. В первой книге она упомянута лишь однажды (помимо знаменитого диспута), когда Дон Кихот приглашает некоего лиценциата переночевать на постоялом дворе:

«Seguramente puede vuestra merced entrar y espaciarse en este castillo; que aunque es estrecho y mal acomodado, no hay estrechez ni incomodidad en el mundo que no dé lugar a las armas y a las letras, y más si las armas y letras traen por guía y adalid a la fermosura, como la traen las letras de vuestra merced en esta hermosa doncella, a quien deben no solo abrirse y manifestarse los castillos, sino apartarse los riscos, y devidirse y abajarse las montañas, para dalle acogida». (IV, 42) («– Ваша милость безбоязненно может в этом замке располагаться. Правда, здесь тесно и неудобно, но нет на свете такой тесноты и таких неудобств, которые не расступились бы перед **военным искусством и перед ученостью**, особенно когда предводительницею и начальницею их является красота, **предводительствующая вашей, сеньор, ученостью в лице этой прелестной девушки**, пред которой не только воротам замка надлежит отворяться и распахиваться, дабы впустить ее, но и скалы должны распасться, и раздвигаться, и рушиться горы.»)

В составленном по всем правилам риторики приглашении устроиться на ночлег лиценциату Вьедме Дон Кихот изящно разводит две составляющие идеала (имея в виду, что занятие лиценциата – *letras*, а на постоялом дворе он может встретить и солдата (*armas*)). Солдатом окажется брат аудитора, ибо один из них, как выяснится, предпочел учение, другой же – воинскую карьеру. Идеал распадается на две части и две сферы занятий двух разных людей.

Эта же тема – двух разных занятий – прозвучит в поучении Дон Кихота племяннице и ключнице во 2 книге в гл. IV:

«Dos caminos hay, hijas, por donde pueden ir los hombres a llegar a ser ricos y honrados: el uno es el de las letras, otro, el de las armas. Yo tengo más armas que letras, y nací, según me inclino a las armas, debajo de la influencia del planeta Marte; así, que casi me es forzoso seguir por su camino...». (II.1.VI) («На свете есть, дети мои, два пути, которые ведут к богатству и почету: **один из них – поприще ученое, другой – военное**. Я человек скорее военный, нежели ученый, и, судя по моей склонности к военному искусству, должно полагать, родился под знаком Марса, так что я уже как бы по необходимости следую этим путем и буду им идти...».)

Тема «armas y letras», конечно же, возникает в беседе двух рыцарей – рыцаря странствующего – Дон Кихота и рыцаря оседлого – Диего де Миранда по поводу занятий и судьбы сына последнего, увлеченного *letras* в придворном духе, то есть поэзией, тогда как его отец предпочел бы право или теологию. И утешающий ответ Дон Кихота о том, что поэзия весьма к лицу «рыцарю плаща и шпаги» (а в это время под ним понимается придворный щеголь из комедии), не повредит ему и украсит его так же, как митра – епископа, звучит комической параллелью к его же речи о военном поприще и науках.

Еще однажды Дон Кихот заговорит о двух возможных путях служения отечеству, и снова настойчиво более почетным будет считать военное поприще, а не ученость, хотя она и гораздо более прибыльное дело для кошелька. Это ироничное замечание лишь подчеркивает идею Сервантеса о неосуществимости идеального сочетания военного поприща и учености. А если оно и возможно, то только в том сниженном и ироничном виде, которое демонстрирует сам Дон Кихот, и не он один: уже упомянутый Диего де Миранда тоже рыцарь и любитель чтения. Как он сам признается, его любимые занятия – охота и рыбная ловля, вот только рыцарских романов он одобряет. Вообще-то подобным же

образом мог бы описать свой досуг и Дон Кихот, любимые занятия которого – чтение рыцарских романов, очаровывающих своих вымыслом, и охота. *Letras* и *armas* для них обоих это «чтение книг» и «охота». В разумной пропорции и с некоторым разницей в репертуаре чтения эти занятия дают благообразного Диего де Миранду, единственного рыцаря, встреченного Дон Кихотом, с которым он прекрасно ладит. А в нарушенной пропорции – безумца Дон Кихота.

В случае с самим Дон Кихот – сдвиги в концепте и в формуле многообразны. Его собственные *letras* – романы, а не науки; они источник его сумасшествия и безумия. Его *armas* – комические доспехи, копьё и нелепые поединки, из которых он – по своему ощущению – всегда выходит победителем. Кажется, что для Сервантеса, отдающего в диспуте предпочтение *armas*, сдвиг проявляется и в том, что в образе самого Дон Кихота он отдает дань прежде всего *letras*. Дон Кихот безумен и смешон в нелепых поединках, доспехах, воинских аксессуарах, но разумен в произносимых им высоких речах о рыцарстве, свободе, науке и войне и т.д. На самом деле, Дон Кихот смешон и в *letras*: доходяга-рыцарь с тазом на голове, раздражающийся “discursos” в духе гуманистических диалогов, сложного и ученого жанра, должен был вызывать гомерический хохот читателей.

Так или иначе прежняя формула отражает, по мнению Сервантеса, уже недостоверный образ. Читатель рыцарских романов, не умеющий сражаться, “caballero andante” Дон Кихот и рыцарь-домосед Диего де Миранда – и то, и другое становится реакцией на эстетизацию и эфемерность идеала “hombre de armas y letras”. При этом сдвиг в риторическом топосе осуществляется прежде всего посредством иронии, а не пародии. Пародийное его применение возникнет, пожалуй, лишь однажды – когда речь пойдет о Санчо Пансо во время его краткого губернаторства. В эпизоде обсуждается подобающий обстоятельствам наряд, и герцог рекомендует Санчо надеть двойное одеяние, часть которого выдает законника, а часть капитана (2, XLII):

«Vos, Sancho, iréis vestido parte de letrado y parte de capitán, porque en la ínsula que os doy tanto son menester las armas como las letras y las letras como las armas.» («Ты же, Санчо, будешь **одет наполовину как судейский, а наполовину как военачальник**, ибо на том острове, который я тебе жалую, в военных такая же нужда, как и в ученых, а в ученых, – такая же, как и в военных».)

Пародия смешна, потому что костюм должен буквально передать двусоставный идеал эпохи и потому что сам Санчо очевидно ни в коем случае не является “hombre de armas y letras”, о чем заявляет сам, а потому половинчатый костюм будет сидеть на нем как шутовской наряд. К тому же формула применена не к дворянству и образованию, а к чиновнику, коим должен стать Санчо Панса.

Таким образом, на примере одного топоса (ключевого для романа Сервантеса) можно увидеть, как подвергаются рефлексии самого разного рода традиционный концепт и образ: 1) концепт и формула расходятся по разным сферам и жанровым формам; 2) распадается и сама формула, которая становится объектом пародии и ироничного снижения. При этом, следует иметь в виду, что пародия сама по себе риторическую основу не разрушает, более того пародия понятна только в устойчивом коде. А вот смещение значения, множественность вариантов толкования и употребления риторическую структуру неизбежно начинают расшатывать. Это высочайшая степень рефлексии и сделала «Дон Кихот» романом скорее начинающим новое, а не подытоживающим старое.

Смысл же происходящего заключается не столько даже в стремлении Сервантеса вернуть обоим сферам (воинской и ученой) их изначальный смысл, сколько в его осознании небрежения общества к сути идеала прошлых веков, равнодушию к тем, кто подобен самому Сервантесу, в полной мере и в высочайшей степени реализовавшему в своей судьбе обе его составляющие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Trad. Willard R. Trask. Princeton: Princeton UP, 1990.
2. Fernández Hoyos A. *Las armas y las letras en Felipe II // Felipe II (1598-1998), Europa dividida, la monarquía católica de Felipe II*. Madrid: Parteluz, 1998, p. 117-132 (Tomo 4). URL: <http://hdl.handle.net/10486/1468>.
3. Maravall J.A. *Estado moderno y mentalidad social (siglos XV a XVII)*. Madrid, *Revista de occidente*, 1972. Т. 2. P. 511-533.
4. Sánchez Jiménez A. *Del Quijote al Persiles: Rota Virgilii, fortitudo et sapientia y la trayectoria literaria de Cervantes // Revista de Filología hispánica*, 2011, Vol. 27.2. P. 477-500.

I.V. Ershova

THE CONCEPT OF “MAN OF LETTERS AND ARMS” IN CERVANTES’ PROSE

In the paper the author investigates one of the key concepts of Spanish “golden age” literature that is the rhetorical *topos* of “man of letters and arms” shaped up in the medieval historiography and didactic literature, and traces how it is transformed in Cervantes’ prose. In his two novels, *Don Quixote* and *The Works of Persiles and Sigismunda*, Cervantes plays upon this traditional topic and its lexical formulaic definition in a manifold way: scattering its constituent elements, changing their meaning, trifling with and travestyng the established ideal of his age. By doing so, he makes the pivotal rhetorical shift that leads to the creation of a new type of novel and literature in general.

Keywords: Cervantes, rhetoric, *loci communes*, “man of letters and arms”, “Don Quijote”, “Los trabajos de Persiles y Sigismunda”.

Ершова Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС,
профессор кафедры сравнительной истории литератур
ИФИ РГГУ

Российский государственный гуманитарный университет
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 1
E-mail: i.v.ershova@list.ru

Ershova I.V.,
Candidate of Philology, Senior Researcher
at School of Advanced Studies in the Humanities,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration;
Professor at Department of Comparative Literature,
Institute for Philology and History

Russian State University for the Humanities
82/5, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571
E-mail: i.v.ershova@list.ru